

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П.И. Нечаев

**Шпенер и его пиэтическое
направление в протестантстве**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1870. № 6. С. 1053-1191.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

*Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010*

ШПЕНЕРЪ

и

ЕГО ПИЭТИСТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНІЕ ВЪ ПРОТЕСТАНТСТВѢ.

(эпизодъ изъ церковной исторіи XVII вѣка).

Окончаніе (').

II

(Піэтизмъ— какъ историческій продуктъ протестантства — Отличіе піэтизма Шпенерова отъ позднѣйшаго.— Сущность и историческое значеніе піэтизма первой генераци.— Слабыя стороны піэтизма: ихъ начало и развитіе.— Критика нравственныхъ воззрѣній позднѣйшаго піэтизма.— Общее заключеніе о піэтизмѣ).

Многіе еще до сихъ поръ мало понимаютъ сущность піэтизма, то называя его пустымъ благочестіемъ, ханжествомъ, мечтательствомъ и даже сумазбродствомъ и т. п., то смѣшивая его съ мистицизмомъ. Равнымъ образомъ, и самаго Шпенера нерѣдко порицаютъ какъ родоначальника позднѣйшаго піэтизма, который дѣйствительно иногда отличался суровымъ ригоризмомъ, страннымъ сепаратизмомъ, проявившимся въ какихъ-то апокалипсическихъ и каббалистическихъ бредняхъ. Подобнаго рода фальшивый взглядъ какъ на сущность піэтизма, такъ и на личность самаго Шпенера, зави-

(') См. Христіанское Чтеніе. 1869 г. с. сентябрь.

силь, по нашему мнѣнію, главнымъ образомъ, сколько отъ незнакомства съ исторіею піэтизма, столько и отъ того, что піэтизмъ ранній (шпенеро-франкскій) нерѣдко и совершенно несправедливо смѣшиваютъ и отождествляютъ съ піэтизмомъ позднѣйшимъ, такъ сказать, уже выродившимся. На развитіе послѣдняго имѣли вліяніе разнаго рода историческія условія, вовсе независѣвшія непосредственно отъ личности Шпенера. По свидѣтельству исторіи, піэтизмъ, уже во второй своей генерациі, былъ далеко не таковъ, каковъ былъ піэтизмъ Шпенера. Мы знаемъ, что еще при самомъ Шпенерѣ дѣлали различіе между піэтистами, и даже сами противники ихъ раздѣляли ихъ на піэтистовъ *добрыхъ* и *злыхъ*, *грубыхъ* (1) и *посредственныхъ* (2). Поэтому и мы, говоря о сущности піэтизма, будемъ, прежде всего, различать піэтизмъ ранній отъ позднѣйшаго, уже выродившагося.

Древній піэтизмъ, на сколько мы изучили его исторически, не былъ вырожденіемъ изъ католическаго янсенизма и разныхъ другихъ религіозныхъ сектъ, какъ нѣкоторые полагаютъ это (3). Піэтизма вовсе не было въ римско-католической церкви; она не знаетъ его и доселѣ. Онъ есть явленіе чисто *нѣмецкое* и составляетъ естественный и необходимый продуктъ началъ и исторической жизни протестантства. Скажемъ нѣсколько больше: онъ былъ законнымъ дѣтищемъ *именно* Лютера, и даже холодная душа швейцарскаго реформатора Кальвина была совершенно несродна ему.

(1) Къ которымъ Лѣшеръ относилъ: Арнольда, Петерсена, Диппеля, Розенбаха и др. (См. Timothy. Verin, II, 72).

(2) Къ нимъ Лѣшеръ относилъ *всѣхъ* вообще истинныхъ послѣдователей Шпенера (ibidem).

(3) См. у Гессебаха: «Philipp Jak. Spenc. u. v. Zeit.» B. 2. S. 117—8.

Раскроемъ свой взглядъ на пiетизмъ нѣсколько подробнѣе:

Реформація Лютера, какъ извѣстно, имѣла своею задачею *отстоять личныя права человеческого духа въ дѣлѣ религiи*. Во имя этой идеи, Лютеръ въ основу всего своего реформаторскаго дѣла положилъ *субъективизмъ*; во имя этой идеи, онъ отвергъ авторитетъ католическаго iерархизма и, желая, въ дѣлѣ спасенiя человѣка, устранить всякое внѣшнее посредство, онъ старался все опредѣлить внутреннимъ, свободнымъ и непосредственнымъ отношенiемъ человѣка къ спасающей благодати (1). Повидимому, Лютеръ обѣщалъ чрезъ это самыя широкiя права христіанской личности, именно: непосредственное отношенiе вѣрующаго ко Христу, Источнику всякой жизни. Между тѣмъ, на дѣлѣ, Лютеръ не далъ этихъ субъективныхъ правъ человеческому духу. Освободивъ его изъ подъ тяжелаго гнета папскаго произвола, онъ снова и всецѣло предоставилъ судьбу человѣка—христіанина дѣйствию одной благодати, не оставивъ ни малѣйшаго мѣста для участiя личной свободы вѣрующаго въ дѣлѣ спасенiя. И, въ развитiи своихъ монофизитскихъ началъ, Лютеръ зашелъ такъ далеко, что рѣшился даже отвергать самую свободу въ человѣкѣ и говорить, будто самый догматъ о свободѣ занесенъ схоластиками въ богословіе изъ философіи Платона, и, въ своемъ сочиненiи «*de seruo arbitrio*», доказывалъ, что допускать свободу значитъ—уничтожать идею провидѣнiя и идею искупленiя (2). Такимъ образомъ, Лютеръ только поль-

(1) См. соч. архим. Хрисанова: «Характеръ протестантства и его историческое развитiе». Спб. 1868. стр. 31.

(2) Тамъ же: стр. 39—40.

стиль человѣческому духу отрадными для него обща-
ніями. Въ существѣ же дѣла, идея личной свободы че-
ловѣческаго духа, за которую, повидимому, такъ сильно
ратовалъ Лютеръ, и осталась одною только идеею въ
протестантствѣ. Но нравственныя стремленія и тре-
бованія человѣческаго духа не могутъ быть удовле-
творены одною только идеею, или отвлеченною тео-
ріею, каковы бы онѣ ни были. Нравственная свобода
не мыслима безъ жизни дѣйствительной, равно какъ
и наоборотъ: нравственная жизнь человѣка не мы-
слима безъ его личной свободы и личной самостоя-
тельной дѣятельности. Вслѣдствіе этого, и въ обла-
сти лютеранства, съ одной стороны, подчинившаго
личную свободу человѣка дѣйствию одной благодати,
съ другой,—сдѣлавшаго (въ видѣ ортодоксіи) религію
дѣломъ одного ума, памяти и одной бездушнѣйшей
въ букву символическихъ книгъ,—нравственныя силы
человѣческой личности должны были, рано или поздно,
непремѣнно сказаться, и личная свобода человѣческаго
духа должна была непремѣнно заявить свои права въ
дѣлѣ приобрѣтенія благодати и спасенія. Сама жизнь
и неумолимый ходъ историческаго развитія лютеран-
ства должны были доказать несостоятельность протес-
тантскихъ началъ вообще и, въ частности, несостоя-
тельность лютеранскаго ученія объ отношеніи благо-
дати къ свободнымъ силамъ человѣка. Это именно и
случилось въ половинѣ XVII столѣтія, въ эпоху по-
явленія піэтизма, который былъ самымъ законнымъ
и самымъ дѣйствительнымъ протестомъ человѣческаго
духа за права его личной свободы въ дѣлѣ религіи и
собственнаго спасенія.

Такимъ образомъ, піэтизмъ Шпенера вышелъ изъ

нѣдръ самого протестантизма и былъ дальнѣйшимъ шагомъ въ исторіи развитія лютеранства. Подобно своему родоначальнику Шпенеру, онъ стоялъ на той же самой догматической почвѣ, на которой стоялъ и первый реформаторъ XVI вѣка. Какъ здѣсь, такъ и тамъ одни и тѣже основныя догматическія убѣжденія объ испорченности человѣческой природы, о необходимости спасенія, объ оправданіи вѣрою и т. п. Догма піэтизма Шпенерова ничѣмъ существенно не отличалась вообще отъ догмы лютеранства. Піэтизмъ— не то, что — раціонализмъ, натурализмъ, деизмъ и т. п., которые стоятъ особнякомъ отъ церкви. Онъ находился въ существенномъ отношеніи съ лютеранскою церковію и оставался вѣрнымъ ея символическому ученію, въ особенности же—аугсбургскому исповѣданію и его апологіи (1). Онъ хотѣлъ только оживить мертвую лютеранскую ортодоксію, убившую въ себѣ самый духъ христіанства и привязавшуюся къ одной его буквѣ.

Какъ законный протестъ за личныя права свободного человѣческаго духа въ дѣлѣ спасенія, и какъ реакція мертвой протестантской ортодоксіи, піэтизмъ естественно долженъ былъ заключать въ себѣ два главныхъ элемента: *субъективизмъ* и *христіанскій практицизмъ*. И дѣйствительно, субъективное благочестіе (Frömmigkeit) было девизомъ и душою Шпенерова піэтизма, который, съ виѣшней своей стороны, былъ не что иное, какъ строго-нравственное стремленіе къ дѣятельному христіанству. Въ немъ вѣра и любовь шли какъ бы рука объ руку и составляли собою самыя жизненные нервы его. Съ внутренней же стороны, онъ

(1) Сравн. Augsb. confes. § 59.

основывался, — и это особенно характерная черта его, на идеѣ поврежденности человѣческой природы (въ смыслѣ Лютера), для восстановленія которой недостаточно одной естественной силы, а потребна сила сверхъ-естественная (1). Отсюда, далѣе, ученіе о возрожденіи, какъ такомъ внутреннемъ актѣ, во время котораго ветхій человѣкъ умираетъ, чрезъ покаяніе и вѣру, и изъ этой смерти воскресаетъ новый человѣкъ, — человѣкъ духа и любви. Это ученіе служило и по нынѣ служить исходнымъ пунктомъ и рычагомъ всѣхъ религіозныхъ движеній (2). Внутреннее возрожденіе и субъективное благочестіе — вотъ два жизненныхъ начала, къ которымъ сводится вся піетистическая мораль. Во имя этихъ двухъ принциповъ, Шпенеръ какъ самъ велъ жизнь строгую, такъ и своимъ приверженцамъ постоянно внушалъ, что они должны быть строги въ отношеніи своей практической жизни и точны въ исполненіи требованій нравственнаго закона (3). И эта строгость нравственной жизни, у нѣкоторыхъ изъ приверженцевъ Шпенера, доходила часто, какъ мы увидимъ, даже до ригоризма.

Піетизмъ Шпенера, такъ сказать, пересоздалъ религіозно-нравственную жизнь лютеранъ или, вѣрнѣе, вдохнулъ новую жизнь въ одряхлѣвшее и омертвѣвшее лютеранство. Эта новая жизнь сказала въ протестантизмѣ, во всѣхъ областяхъ его развитія. Піетизмъ Шпенера понималъ христіанство не какъ только одну сумму тѣхъ или другихъ теоретическихъ возрѣній или теоретическихъ религіозныхъ истинъ, а — какъ

(1) Hossbach, а. а. о. II, 148—9. ff.

(2) Harghans, а. а. о. § 255—8. Vgl: Pia desid. pp. 101—4; Teol Bedenk. 1, 131.

(3) Schmid, Gesch. d. Pietismus S. 403.

ученіе жизненное, а равно и на самую церковь онъ смотрѣлъ какъ на божественное учрежденіе съ чисто-практическими цѣлями. Сообразно съ такимъ, вполне нравственнымъ, взглядомъ на христіанство, піэтизмъ Шпенера старался провести христіанскій духъ въ цѣлую жизнь человѣка, во всѣ отрасли ея развитія и во всѣ виды ея проявленія. Но особенно важная и, если такъ можно выразиться, специфическая заслуга піэтизма состояла въ томъ, что онъ глубоко понялъ идею христіанской нравственности, расширилъ и освѣтилъ нравственный горизонтъ лютеранъ, сѣуженный и омраченный схоластическимъ протестантскимъ богословіемъ XVII вѣка. Взглядъ піэтистовъ на нравственность отзывается *жизненностію, полнотою и цѣльностію*. Піэтизмъ Шпенера смотритъ на цѣлую жизнь человѣка, во всѣхъ видахъ и формахъ ея проявленія, какъ на осуществленіе *одной* нравственной *идеи добра*. Вслѣдствіе этого, онъ *первый* въ области протестантства поставилъ дѣятельную любовь къ Богу принципомъ, а совѣсть мѣриломъ и критеріемъ нравственныхъ понятій и нравственной жизни (1). Сообразно съ этою вѣрностію и цѣльностію взгляда на нравственность человѣка, шпенеро-франкскій піэтизмъ старался свои религіозно-практическія тенденціи провести во всѣ сферы человѣческой жизни и во всѣ виды ея дѣятельности: и въ воспитаніе, и въ науку, и въ проповѣдничество, и въ жизнь семейную и т. п., вообще—въ цѣлый строй религіозно-нравственной жизни протестантовъ. Именно:

Піэтизмъ Шпенера первый освободилъ протестант-

(1) Theolog. Bedenken. II, 36. Vgl: Emil—Feierlein, die Sittenlehre d. Christ. S. 149. u. folg.

ское богословіе изъ оковъ царившей тогда на западѣ схоластики и далъ ему практическое направленіе. Особенно важное значеніе въ этомъ отношеніи имѣлъ Галльскій университетъ. Изъ него выходили тысячи студентовъ съ новыми *жизненными* богословскими взглядами, распространяемыми ими по всей Германіи. Мелочные богословскіе споры, наконецъ, наскучили всеѣмъ. На богословскихъ кафедрахъ снова заняли видное мѣсто библейскія изслѣдованія. Протестантская догматика стала принимать библейско-практическій характеръ, сдѣлалась болѣе безыскусственною и простою и, чрезъ то, животворнѣе дѣйствовала на душу вѣрующаго. Она перестала быть однимъ только сборникомъ и хранилищемъ лютеранскаго вѣрученія, какъ *мертваго капитала*, по поставила своею задачею, — бромъ удовлетворенія простой любознательности ума, — удовлетвореніе требованіямъ всего существа человѣческаго духа: она хотѣла не-только питать умъ, но и укрѣплять волю въ добрѣ и согрѣвать сердце теплотою божественной христіанской любви (').

Не смотря на это, піэтизмъ содѣйствовалъ возрожденію протестантской богословской науки болѣе отрицательнымъ, чѣмъ положительнымъ образомъ. При излишествѣ религіознаго чувства, піэтистамъ не доставало прочнаго знанія и философскаго духа, при

(²) Представителями новаго направленія въ протестантской богословской наукѣ были (бромъ Шпенера): Франке со своимъ «*methodus studii theologici*» и «*idea studiosi theologiae*»; Янге съ «*Institutiones studii theologici litterariae*», «*Isagoge ad theologiam universam*» и «*Institutiones theologiae dogmaticae*». Янге — въ его направленіи въ послѣдствіи подражалъ и Вальтъ въ своемъ «*Einleitung in die theologischen Wissenschaften*». Лучшими экзегетами съ новымъ направленіемъ были: Соломонъ Дейлингъ († 1755), Іоаннъ-Христіанъ Вольфъ († 1739), знаменитое семейство Михаэлисъ, Баумгартенъ и Гейманъ.

которыхъ бы они могли сильнѣе отстаивать свои основныя догматическіе принципы и воззрѣнія. Ихъ библейская догматика, съ своимъ практическимъ направленіемъ, чуждая всякаго философскаго элемента и мало заключающая въ себѣ научнаго характера, могла служить большею частію для одного только назиданія и поддержанія благочестиваго настроенія духа. И если бы эта односторонность сдѣлалась господствующею въ лютеранской догматикѣ на самыхъ же первыхъ порахъ появленія піэтизма, то она совершенно убила бы всякую богословскую науку въ протестантизмѣ (¹). Впрочемъ, для насъ, имѣющихъ въ виду показать историческое значеніе піэтизма, важно не то, какое піэтизмъ имѣлъвліяніе въ *частности* на протестантскую догматику, а—тотъ взглядъ піэтистовъ на богословскую науку, который самымъ послѣдовательнымъ образомъ вытекаетъ изъ общаго принципа піэтистовъ, изъ пониманія ими идеи христіанской нравственности. Идея эта—сближеніе христіанской религіи съ жизнью. Завѣтнымъ стремленіемъ піэтизма было то, чтобы всякая дѣятельность человѣческаго духа имѣла нравственный и практический характеръ. Вслѣдствіе этого и значеніе піэтизма въ исторіи протестантской догматики важно для насъ не само по себѣ, а потому именно, что въ этомъ случаѣ ясно отразились религіозно-практическія тенденціи піэтизма, составляющія самую характерную его черту. «Nicht der Kopf, sondern pectus est, quod

(¹) Планкъ и безъ того замѣчаетъ, что «піэтизмъ погубилъ цѣлую генерачію богослововъ и что, благодаря ему, протестантская наука шагнула назадъ на цѣлое поколѣніе» (Plank's Gesch. d. protest. Theolog. seit der Concordienformel. S. 245).

theologum facit» (1), говорили обыкновенно пѣтисты.

Шпенеръ, поставивъ своею задачею—нравственно воспитать все современное ему протестантское общество, предложилъ и главнѣйшія педагогическія средства. Одни изъ нихъ можно назвать *домашними* или семейными, другія *церковными*, третьи—*школьными*; но они все вмѣстѣ вытекали изъ одного основнаго взгляда пѣтистовъ на нравственную жизнь христіанина, какъ на воплощеніе духа христіанской любви и вообще,—христіанскихъ нравственныхъ началъ. Для цѣли воспитанія религіозно-нравственнаго сознанія въ жизни семейной служили, какъ нельзя лучше, Шпенеровы *collegia pietatis*. Благодаря послѣднимъ, многія благочестивыя семейства представляли собою дѣйствительно какъ бы небольшую церковь (*ecclesiola*). Частыя домашнія молитвы и чтеніе назидательныхъ книгъ благотворно дѣйствовали на душу и домашнюю жизнь членовъ благочестивыхъ собраній. Религіозный индифферентизмъ и безнравственность, вошедшіе какъ бы въ моду въ тогдашнемъ обществѣ, стали все меньше и меньше находить себѣ сочувствія въ отдѣльныхъ благочестивыхъ личностяхъ и цѣлыхъ семейныхъ кружкахъ. Чувство благочестія пробудилось во многихъ и сказалось даже въ образѣ внѣшняго поведенія пѣтистовъ (2).

Кромѣ *collegiorum pietatis* на жизнь протестантскаго общества благотворно вліяли, распространяемые пѣтистами, библія и разныя назидательныя сочиненія.

(1) Т. е.: «не умъ, а сердце дѣлаетъ (человѣка) богословомъ». (См. *Evang. Kztung*, 1863 г. № 83, стр. 969).

(2) См. выдержку изъ пропов. Шпенера у Гессебаха въ вышеуказ. мѣстѣ. В 11, S. 267.

нія, напрям.: соч. Өомы Кемпійскаго «О подражаніи Христу», проповѣди Таулера, «*Pia desideria*» и разныя проповѣди самаго Шпенера. Почти всѣ эти сочиненія не чужды нѣкоторыхъ мистическихъ оттѣнковъ; несмотря на то, они много способствовали воспитанію въ тогдашнемъ протестантскомъ обществѣ религиозно-нравственнаго настроенія,—потому что они проникнуты теплотою христіанскаго чувства.

Къ *церковнымъ* средствамъ, употреблявшимся піетистами для пробужденія въ вѣрующихъ христіанскаго благочестиваго чувства, можно отнести: *проповѣдничество* и *катохизацію*.

Шпенеръ и его приверженцы прежде всего объявили демонстрацію противъ всякой искусственности и изысканности (¹) въ проповѣдничествѣ и, чрезъ то, придали церковной проповѣди характеръ простоты и жизненности (²). Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательнъ (конечно кромѣ самаго Шпенера) *Рамбахъ*, человекъ образованный, бывшій профессоромъ въ нѣсколькихъ университетахъ, наприм. Іенскомъ, Галльскомъ и др. Проповѣди его отличались особенною теплотою чувства, простотою и жизненностію, и потому какъ слушались, такъ и читались съ большимъ удовольствіемъ и пользою.

Наряду съ проповѣдничествомъ, піетистами поднятъ былъ вопросъ и объ улучшеніи катохизаціи. По-

(¹) Изъ всѣхъ наукъ Шпенеръ не жаловалъ и даже вовсе не признавалъ *гомилетики*, какъ науки пріучающей къ искусству *сочинять* проповѣди. (См. *Fvang. Kztung*. 1863. № 80. S. 492).

(²) О вліяніи піетизма на проповѣдничество лютеранъ, см. прекрасныя статьи неизвѣстнаго автора, помѣщенныя въ «*Evangelisch. Kirchenzeitung*» 1863. №№ 79, 80, 81 и 83, подъ заглавіемъ: «*Spener, als prediger*» (Шпенеръ, какъ проповѣдникъ).

ложено было начинать обученіе юношества съ библейской исторіи. Для этой цѣли въ 1714 г. гамбургскій ректоръ написалъ «Священную исторію», содержащую въ себѣ извлеченіе изъ историческихъ книгъ священнаго писанія. Книга эта, по словамъ Госсбаха, составлена съ большимъ умѣньемъ и въ короткое время имѣла много изданій. Кроме того, въ интересахъ катихизическаго обученія дѣтей, самъ Шпенеръ написалъ простѣйшее объясненіе христіанскаго ученія по краткому катихизису Лютера. Благодаря всему этому, положено было прочное начало для религіознаго воспитанія протестантскаго молодаго поколѣнія и вообще, — протестантскаго общества.

Но педагогическое значеніе піэтизма всего яснѣе открывается изъ указанія самыхъ началъ піэтистической педагогики, которыя тоже вытекаютъ изъ одной общей и главной идеи піэтистовъ о христіанской нравственности. Піэтизмъ основалъ свою педагогику въ интересахъ религіозно-нравственнаго чувства. Шпенеръ и его приверженцы хорошо понимали, что школа должна воспитывать не ученыхъ педагоговъ, а истинныхъ христіанъ и хорошихъ общественныхъ дѣятелей, и что только истинно-благочестивый человѣкъ можетъ быть хорошимъ и честнымъ гражданиномъ (¹). Отсюда піэтизмъ задачею воспитанія полагалъ «водвореніе царства Божія въ дѣтскія сердца». Эта идея, по понятію піэтистовъ, должна была проникать собою всю систему школы и проходить по всеѣмъ ея направленіямъ (²). Самымъ главнымъ пред-

(¹) См. «Geschichte d. Pädagogik», Dr. K. Schmidt. 1862. В. III. S. 400.

(²) См. «Очеркъ исторіи воспитанія и обученія» Модзалевскаго. Вып. 1, стр. 312—14.

ставителемъ пѣтизма, въ отношеніи его къ воспита-
нію, былъ Франке (1), родоначальникъ всѣхъ суще-
ствующихъ нынѣ, въ протестантскомъ обществѣ, такъ
называемыхъ сиротскихъ домовъ и пріютовъ. Сбли-
женіе христіанства съ жизнію лежало въ основѣ всей
вообще дисциплины пѣтистическаго воспитанія. Въ
этомъ отношеніи, пѣтизмъ сдѣлалъ школу, какъ вы-
ражается Карлъ Шмидтъ въ своей педагогикѣ, *приоб-*
рѣтеніемъ и выгодою для жизни; онъ сдѣлалъ въ ис-
торіи христіанской педагогики самый рѣшительный
шагъ впередъ и произвелъ своимъ вліяніемъ на жизнь
новую эпоху въ исторіи воспитанія. Онъ стремился
пробудить въ лютеранахъ нравственныя силы, кото-
рыя самымъ принципомъ протестантства какъ бы об-
речены были на вѣчное усыпленіе.

Далѣе, пѣтизмъ вылилъ отношенія между обла-
стію специфически-религіозною и нравственною. Лю-
теранскій ортодоксизмъ сдѣлалъ религію чѣмъ-то
только или *почти* только объективнымъ. Она, по уче-
нію лютеранскихъ ортодоксистовъ, только *обнимаетъ*
собою религіозный субъектъ и движетъ его, но не
проникаетъ его собою всецѣло. Пѣтизмъ, на обо-
ротъ, жизнь по вѣрѣ вовсе не хотѣлъ отдѣлять отъ
жизни, какъ плода вѣры. По его мнѣнію, святость
внутренняго настроенія (*Gesinnung*) и святость жизни
не слѣдуютъ только за правою вѣрою, какъ бы только
примыкая къ ней, а состоятъ непосредственно въ
ней самой. Лютеранскій ортодоксизмъ обратилъ все
свое вниманіе только на специфически-религіозную

(3) О педагогической дѣятельности Франке, см.: а) въ *Pädagogik* К. Schmidt's. б) въ очерк. ист. восп. и обуч. Модзалевскаго. Вып. 2 и в) *Gesch. d. Pietismus* H. Schmid's S. 286—301.

сторону вѣрующаго субъекта, почти совершенно игнорировавъ нравственную его сторону. Пѣтизмъ, наоборотъ, утверждалъ, что не *два* струи духовной жизни въ человѣкѣ, а *одна*. Въ нравственной, оправданной личности невозможно никакое разграниченіе между вѣрою и самою нравственностію, или между областію «религіозною» и областію «нравственною». Жизнь истинно — религіозная, по справедливому замѣчанію *Вуттке*, есть вмѣстѣ и жизнь нравственная, равно какъ—и на оборотъ (1). Это единство и гармонію религіозно-нравственной жизни пѣтизмъ обозначалъ или выражалъ однимъ именемъ «благочестіе». Въ этомъ послѣднемъ, какъ въ фокусѣ, по понятію пѣтистовъ, должны сосредоточиваться и жизнь религіозная и жизнь нравственная. Нельзя не отдать пѣтизму полной справедливости въ этомъ органическомъ объединеніи религіозно-нравственной жизни человѣка и въ этой цѣльности пониманія имъ сущности христіанской нравственности. Религіозно-нравственная жизнь человѣка дѣйствительно слагается, такъ сказать, изъ двухъ основныхъ элементовъ: *пассивнаго* и *активнаго*. Въ области исключительно религіозной жизни человѣкъ чувствуетъ себя болѣе пассивнымъ въ отношеніи къ Божеству; въ области же нравственной жизни—болѣе самостоятельнымъ и дѣятельнымъ. И самая религія дѣлается собственнымъ достояніемъ человѣческаго духа только тогда, когда она бываетъ усвоена имъ совершенно свободно и съ полнымъ убѣжденіемъ въ ея истинности и святости. При этомъ условіи уже самый актъ принятія и усвоенія религіи будетъ дѣ-

(1) Wuttke, Handbuch, der christlichen Sittenlehre, 2. Aufl. B. 1. Berlin. 1864. S. 311.

ломъ чисто-нравственнымъ; такъ что въ сердцѣ истинно-вѣрующаго въ одинъ моментъ загораются какъ бы двѣ жизни—и религіозная и нравственная; и въ отношеніи къ той и другой слова: *раньше* и *послѣ* могутъ быть прилагаемы развѣ только логически, но никакъ не въ дѣйствительности.

Наконецъ, строгость и цѣльность взгляда піэтистовъ на нравственную жизнь очень рельефно выразились въ ихъ ученіи о такъ называемомъ «adiaphora», или нравственно-безразличномъ. Въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій, въ протестантскомъ обществѣ выработался слишкомъ свободный и легкій взглядъ на область, такъ называемыхъ, позволительныхъ предметовъ и дѣйствій. У лютеранъ была въ ходу слѣдующая фраза: «все то, что не запрещено въ священномъ писаніи, нравственно-безразлично, позволительно». Шпенеръ и піэтисты первой генерациі первые возстали противъ этого, утверждая, что нѣтъ и не можетъ быть свободныхъ дѣйствій человѣка нравственно-безразличныхъ. Піэтистовъ норицали за это, какъ нравственныхъ ригористовъ, которые будто полагаютъ свое спасеніе только въ томъ, чтобъ, подобно камню или чурбану, быть нечувствительными ни къ какимъ радостямъ жизни, или же, подобно духу, отрѣшиться отъ тѣла и тѣлесныхъ свойствъ (1). Но этотъ упрекъ піэтистамъ былъ совершенно несправедливый. Взглядъ піэтистовъ первой генерациі на нравственно-безразличныя дѣйствія вовсе не былъ ригористичень, а вытекалъ изъ одного, уже извѣстнаго намъ, нравственнаго ихъ принципа, по ко-

(1) Porsch, Alter und Heiligkeit d. Christenthums. 111, 119.

торому цѣлая жизнь человѣка должна быть непрестаннымъ служеніемъ Богу и проникнута одною религиозною вѣрою или дѣятельнымъ христіанскимъ благочестіемъ. Сколько извѣстно (1), піэтизмъ Шпенера, отвергавши нравственно-безразличныя дѣйствія, обращалъ вниманіе не на виѣшнія предписанія нравственнаго закона, а—главнымъ образомъ—на самый духъ христіанства,—не на виѣшнія побужденія дѣйствій христіанина, а на внутренніе мотивы ихъ, на внутреннее настроеніе человѣческаго духа. Въ этомъ-то указаніи, такъ сказать, на самое зерно нравственной жизни и состоитъ незабвенная заслуга піэтизма въ исторіи христіанской морали. Онъ проповѣдывалъ, что христіанство есть *жизнь*, что нравственный законъ христіанскій есть законъ *духа* и *свободы* и что все требованія этого закона сводятся къ тому, чтобы въ душѣ вѣрующаго воспитать одно святое расположеніе духа, какъ одинъ высшій принципъ нравственности, долженствующій освѣщать, возвышать и облагораживать человѣческую жизнь. Отсюда, и нравственность каждаго христіанина не должна представлять собою одинъ только рядъ безсвязныхъ и отдѣльных нравственныхъ фактовъ, а должна быть постоянно связною и цѣльною жизнію. Каждый моментъ этой жизни долженъ непременно находиться или въ согласіи или въ противорѣчьи съ требованіями духа христіанской морали и, слѣдовательно, долженъ быть или добръ или зодъ, но никакъ не безразличенъ-нравственно. Подобно тому, какъ въ жизни физической нѣтъ ничего средняго между жизнію и смертію, въ

(1) Lange, mosaisches Licht u. Recht, in Anhang. S. 1247. Vgl: Consil. Latin. 1, 426.

жизни нравственной нѣтъ никакого средняго и безразличнаго состояніи между добромъ и зломъ. Въ силу этого, піэтизмъ совершенно справедливо отрицалъ всякое безразличіе нравственныхъ дѣйствій человѣка.

Говоря объ историческомъ значеніи піэтизма, мы не можемъ не указать, наконецъ, и на его заслуги въ отношеніи внѣшней протестантской миссіи между язычниками и, такъ называемой, внутренней миссіи, между самими протестантами. Въ дѣлѣ той и другой, піэтизмъ имѣлъ весьма важное значеніе. По словамъ компетентной миссіонерской газеты «Heidenbote», редактируемой миссіонерскимъ протестантскимъ обществомъ въ Базелѣ, въ одной только Индіи, благодаря внѣшней миссіи піэтистовъ, обращено въ христіанство *полмилліона* язычниковъ (1). И Гофманъ справедливо замѣчаетъ, что индійская миссія составляетъ собою «перлъ, вѣнецъ и триумфъ» піэтизма. Результаты этой миссіи достойны изумленія (2). Равнымъ образомъ и внутреннюю (3) миссію протестантскую немцы называютъ «дщерію» піэтизма. Газета «Centralvorstand» служила органомъ внутренней протестантской миссіи. Задачею этой піэтистической га-

(1) Heidenbote. 1853. S. 4.

(2) Hoffmann's Missionsfragen. 1, 236.

(3) Название «внутренней миссіи» въ первый разъ употребилъ Люке въ своей рѣчи, говоренной имъ въ 1842 г. (См. Herzog, R.-Encz. IX, 650). На основаніи сочиненія Вихерна (die innere Mission d. deutsch. ev. Kirch. 1849. 2 auf. S. 5, 4, 16, 17, 205 и др.), котораго протестанты называютъ *апостоломъ* внутренней миссіи (см. Theol. Studien. u. Krit. 1854. 1 Hef. S. 167), о послѣдней можно составить слѣдующее понятіе: «она есть свободная, независимая отъ служебныхъ обязанностей, дѣятельность членовъ христіанскаго общества, направляемая къ истребленію въ немъ всего противнаго христіанству и являющаяся въ виду вспоможеніе духовнымъ и матеріальнымъ нуждамъ этого общества». (См. «Духъ Христіанства». 1863. февр. стр. 414).

зеты было—разоблаченіе и искорененіе невѣрія и безнравственности въ народъ (1).

Намъ остается теперь перейти къ разсмотрѣнію другой стороны піетизма, совершенно противоположной первой, стороны фальшивой и болѣзненной, зародышъ которой скрывается тамъ же, гдѣ заключался корень его нравственной силы и жизни, именно: въ его *субъективномъ благочестіи*, съ которымъ къ сожалѣнію соединялось еще невниманіе къ теоретической сторонѣ христіанства, и въ его своеобразномъ пониманіи *возрожденія*.

Піетизмъ слишкомъ односторонно понималъ благочестіе: онъ не видѣлъ ничего выше благочестія; послѣднее было для него—все. Обращая все свое вниманіе почти исключительно на практическое благочестіе, піетизмъ тѣмъ самымъ уже неизбѣжно подрывалъ значеніе теоретической стороны христіанства. Тамъ, гдѣ все сводится къ одному благочестію и гдѣ умѣстенъ вопросъ только о средствахъ возбуждающихъ къ благочестію, тамъ легко зараждается равнодушіе къ тому ученію и вообще къ той теоретической сторонѣ христіанства, которая не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ чувству благочестія. Лешеръ справедливо говорилъ въ свое время, что, какъ синкретизмъ, во имя любимаго имъ *studium pacis*, попираетъ всякое ученіе, заграждавшее ему путь къ его цѣли, такъ піетизмъ, имѣя въ виду одно свое любимое *studium pietatis*, опустилъ изъ виду теоретическую истину, которая вездѣ должна стоять на первомъ планѣ (2). Игнорированіе піетизмомъ теоретиче-

(1) Possbach, а. а. О. въ прибавленіи.

(2) Timoth. Verin. 11, 16.

ской стороны христіанства, во имя одного христіанскаго практицизма, замѣтно очень рано и по своему началу восходить едва-ли не къ самому Шпенеру, который, по примѣру Каликста, отличалъ «*articulos ad salutem necessarios*» отъ всѣхъ прочихъ (¹). Отсюда и происходило то, что піэтизмъ, будучи по своему принципу вѣренъ символическимъ лютеранскимъ книгамъ, на первыхъ же порахъ поставилъ себя въ фальшивое отношеніе къ нимъ на опытѣ. И тогда какъ самъ Шпенеръ хотѣлъ только ограничить суевѣрное уваженіе къ символическимъ книгамъ, которыя протестантская ортодоксія возвышала даже до приписыванія имъ непосредственной богодухновенности (²), позднѣйшіе піэтисты вовсе отвергли вѣроисповѣдныя разности. Уже въ началѣ XVIII столѣтія мы видимъ въ средѣ піэтистовъ такихъ мистиковъ, которые не страшились подобнаго смѣлаго шага, въ развитіи своихъ субъективныхъ началъ. Изъ среды піэтистовъ, день ото-дня, все чаще и чаще сталъ слышаться голосъ самаго наглаго индифферентизма въ отношеніи къ религіи и церковному культу. Одни изъ нихъ проповѣдывали равноправность и равнокачественность всѣхъ религій; другіе торжественно провозглашали погибель всѣхъ церквей и ложь всѣхъ вѣроисповѣданій (³); третьи открывали, такъ называемыя, *школы добродѣтели* для людей всѣхъ религій, даже для дѣтей турокъ и евреевъ на томъ только основаніи, что послѣдніе не должны слышать никакихъ религіозныхъ споровъ (⁴).

(¹) Consil. Lat. 1, 24.

(²) Herzog, R.—Enzykl. «Pietismus». S. 655.

(³) Ibidem. S. 656—7.

(⁴) Ibidem. S. 656.

При равнодушіи къ теоретической сторонѣ христіанства, въ позднѣйшемъ піэтизмѣ естественно развилось равнодушіе и къ богословской наукѣ. Галльскій университетъ сталъ все болѣе и болѣе терять свой научный характеръ и опускаться изъ виду научные интересы. Практицизмъ вытѣснилъ изъ него науку. Вслѣдствіе чего, изъ Галльскаго университета выходили цѣлыя поколѣнія такихъ духовныхъ лицъ, которые были сколько піэтически благочестивы, столько же научно невѣжественны. И въ этомъ невѣжествѣ упрекали піэтистовъ не одни только противники ихъ— ортодоксисты, не одинъ только Лешеръ жаловался на недостатокъ между піэтистами въ *solide doctis et cordatis theologis* (1), а и другія лица, даже преданные піэтизму, каковъ былъ, напр., графъ Цинцендорфъ (2). Правда, самъ Шпенеръ вовсе не думалъ игнорировать богословской науки, а желалъ только дать ей нѣсколько иное направленіе чѣмъ какое она имѣла у лютеранскихъ ортодоксистовъ, и въ своемъ сочиненіи «*ria desideria*» сдѣлалъ нѣсколько, относящихся къ этой цѣли, предложеній. Онъ говорилъ, на примѣръ, что «изученіе библии будущими богословами должно быть усилено, а изученіе философіи ограничено, и что самое богословіе должно быть изучаемо съ благочестивымъ чувствомъ». Всѣ эти желанія Шпенера были вполне сообразны съ историческими обстоятельствами того времени и съ этой стороны совершенно законны. Но такъ какъ они выражены были Шпенеромъ слишкомъ обще, то не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ и повели къ совершенно противо-

(1) *Timoth. Verin.* 11, 52.

(2) *Evng. Kzt.* 1810. S. 21.

положнымъ результатамъ. Шпенеръ находилъ, что философія въ области богословія дается слишкомъ широкія права, но не указалъ въ *какихъ именно пунктахъ*. Онъ порицалъ, далѣе, богословіе ортодоксистовъ за то, что въ него вбралась схоластика; но, при этомъ, не указалъ простыхъ средствъ къ изгнанію ея изъ области богословія. Если у піетистовъ возникло желаніе, такъ сказать, пересоздать цѣлое направленіе въ протестантскомъ богословіи, то для нихъ недостаточно было указать только на одинъ принципъ новаго (практическаго) направленія, а слѣдовало, отвергнувъ старую богословскую науку, позаботиться о цѣльности новой. Между тѣмъ піетисты эту-то существенную сторону дѣла и опустили изъ виду. Они не создали въ богословской наукѣ ничего цѣльнаго и законченнаго. Богословіе ортодоксистовъ было, по крайней мѣрѣ, системою стройною и цѣльною, въ которой все стояло на своемъ мѣстѣ и которое поэтому въ силахъ было отстоять свои интересы въ борьбѣ съ наукою. Оно какъ будто бы имѣло какое то чутье ко всякой опасности, угрожавшей ему со стороны научнаго знанія. Ничего подобнаго не было въ піетистическомъ богословіи. И потому, скоро послѣдовавшее затѣмъ, время господства *раціонализма* на опытѣ доказало все безсиліе и всю научную несостоятельность *піетистическаго богословія*. И только со времени Шлейермахера, котораго Шведеръ справедливо называетъ «воскресителемъ и носителемъ» духа самого Шпенера (2), піетистическое богословіе приняло болѣе научный характеръ.

(1) См. Schweder, im Anhang an d. Hossbach's «Philippe Jakob, Spener und Seine Zeit.» S. 324.

Большее или меньшее невниманіе піэтистовъ, особенно позднѣйшихъ, къ богословской наукѣ и вообще отрицаніе ими должнаго значенія теоретической стороны христіанства дурно повліяло на складъ и характеръ ихъ нравственныхъ воззрѣній. И это—въ порядкѣ вещей. По свидѣтельству исторіи, исключительное сосредоточіе на практическихъ началахъ и совершенное пренебреженіе другими сторонами религіозной жизни всегда ведетъ къ фальшивымъ нравственнымъ воззрѣніямъ. Причина этого печальнаго явленія въ религіозно-нравственной жизни нами отчасти уже указана выше, когда мы говорили о взаимномъ отношеніи области религіозной и нравственной. Мы видѣли, что жизнь религіозная и жизнь нравственная вмѣстѣ составляютъ *одну цѣльную жизнь*, и что раздѣлять ихъ можно развѣ только въ логическомъ понятіи, но ни какъ не на самомъ дѣлѣ. То же самое нужно сказать и объ отношеніи теоретической стороны христіанства къ практическимъ началамъ сего послѣдняго, равно какъ—и на оборотъ. Какъ теорія, не оправдываемая жизнью, не имѣетъ нравственнаго значенія и вмѣненія, такъ и нравственныя требованія, не оправдываемыя доктриною, по справедливому замѣчанію покойнаго Хомякова, «скоро теряютъ свою обязательную силу и превращаются, въ глазахъ людей, въ выраженія непослѣдовательнаго произвола: христіанская нравственность, лишенная своего родника (догматическаго ученія), *изсыкаетъ*» (1). Все это выясняется сущностію, характеромъ и задачею христіанской нравственности или нравственной жизни. По-

(1) См. Богословскія сочиненія А. С. Хомякова. Прага. 1867 г. стр. 143.

слѣдняя, хотя вращается преимущественно въ области свободы и воли, тѣмъ не менѣе, — такъ какъ эта воля разумна и служить выраженіемъ сознанія, а вмѣстѣ и выраженіемъ любви къ тому, что содержится въ этомъ сознаніи, — нравственность обнимаетъ собою цѣлую жизнь и цѣлое существо человѣческаго духа, во всѣхъ формахъ его проявленія, въ способности познавательной, чувствовательной и желательной. *Нравственное знаніе есть ничто иное какъ вѣра*, религіозная — то, или же вообще вѣра разумная; *нравственное чувство* — есть благорасположенность и любовь къ добру; *нравственная воля* есть стремленіе къ дѣланію добра; а самая *нравственность* состоитъ не изъ одной какой-нибудь изъ этихъ трехъ сторонъ человѣческаго духа, а есть гармоническое *единство* *всѣхъ* ихъ. Взаимодѣйствіе всѣхъ нравственныхъ силъ, строгое единство въ разнообразіи и цѣльность во множественности — вотъ *сущность* и *характеръ* нравственной жизни. Гармоническое развитіе всѣхъ духовныхъ силъ чело­вѣка: усовершенствованіе познанаія до степени пріобрѣтенія христіанской *мудрости*, принимаемой въ самомъ словѣ Божіемъ (Притч. 2, 2; 4, 5; 8, 11 и пр. Іоан. 8, 32. 17, 3. Дѣян. 17, 27. Римл. 12, 2. 16, 19. 1 Кор. 14, 20. Еф. 1, 18. 3, 18 и пр. Фиг. 1, 9, 10 и пр.) за существенное состояніе высочайшаго блага; усовершенствованіе нравственнаго чувства до возведенія его на степень евангельской любви и усовершенствованіе свободной воли до выработанія изъ нея высокаго нравственнаго характера — вотъ *задача* христіанской нравственности. Послѣ этого, само собою понятно, что для нормальной *нравственной* жизни необходимо нужна цѣльность нравственныхъ воззрѣній; иначе пре-

обладаніе въ нравственной жизни одного какого-либо изъ основныхъ ея элементовъ непремѣнно поведеть къ крайностямъ, какъ это мы и видимъ въ развитіи позднѣйшаго піетизма.

Впрочемъ, указанная нами крайности въ піетизмъ составляютъ еще только одну и при томъ, сравнительно говоря, менѣе важную слабую его сторону, которую можно назвать только *началомъ болѣзни*. Другая болѣзненная сторона позднѣйшаго піетизма еще непривлекательнѣе первой. Это—его нравственный *риторизмъ* и чисто-манихейскій взглядъ на жизнь со всеми ея благами и красотами; это—его *ханжество* и *пустая горделивость* своимъ мнимымъ благочестіемъ; это—его *сенаратизмъ* и возмутительный разладъ между собственнымъ словомъ и дѣломъ и т. п. И если въ чемъ, такъ именно въ этомъ больше всего обнаружилось то, что позднѣйшій піетизмъ совершенно чуждъ духа самого Шпенера и духа ранняго піетизма и что онъ, по характерному выраженію Лянганса, успокаивается на одномъ только одряхлѣвшемъ у него религіозномъ чувствѣ (1).

И эта послѣдняя слабая сторона позднѣйшаго піетизма развилась изъ того же субъективнаго благочестія, которое составляло душу Шпенерова піетизма и которое, въ видѣ личнаго возрожденія, перешло въ позднѣйшемъ піетизмѣ въ крайность, вслѣдствіе уже выясненнаго нами невниманія піетизма къ теоритической сторонѣ христіанства. Но для того, чтобы понять, какимъ образомъ изъ піетическаго ученія о внутреннемъ возрожденіи человѣка вытекаютъ все упомянутыя нами крайности позднѣйшаго піетизма,

(1) Langhans, Pietismus und Christenthum. S. 83.

нужно напередъ рѣшить слѣдующій вопросъ: «что именно піэтизмъ разумѣеть подь возрожденіемъ и внутреннею жлзцію?» Или: въ какое отношеніе піэтизмъ ставитъ внутреннюю возрожденную жизнь къ жизни соціальной со всѣми ея условіями? Понятное дѣло, что отношеніе можетъ быть мыслимо и понимаемо двоякимъ образомъ: или а) въ смыслѣ внѣшней абстрактной противоположности этихъ двухъ сферъ жизни, или же б) въ смыслѣ одного внутренняго органическаго ихъ развитія. При первомъ образѣ возрѣнія, соотвѣтствующемъ догматическому дуализму, внутреннее обращеніе или возрожденіе человѣка будетъ мечемъ обоюдоострымъ, раздѣляющимъ всѣхъ людей на двѣ половины, изъ которыхъ одна дѣлается наслѣдіемъ неба, а другая достояніемъ тьмы кромѣшной. Тутъ обращеніе человѣка является съ дуалистическимъ характеромъ, является не цѣльнымъ и болѣе внѣшнимъ, чѣмъ внутреннимъ. Во второмъ случаѣ, когда, при органическомъ развитіи всѣхъ силъ человѣка, уничтожается всякая дуалистическая противоположность между Богомъ и человѣкомъ, между небомъ и землею,—обращеніе дѣлается внутреннимъ принципомъ, проникающимъ все существо человѣка, *имманентною* силою, обнимающею собою всѣ стороны человѣческой жизни и дѣятельности. Возрожденіе (*Wiedergeburt*), въ смыслѣ позднѣйшаго піэтизма, болѣе подходитъ подь категорію обращенія перваго рода, т. е. съ характеромъ дуалистическимъ. У Шпенера и его ближайшихъ послѣдователей возрожденіе, какъ необходимое условіе истинно-благочестивой жизни, вовсе не имѣло (¹) того дуалистическаго характера,

(¹) См. Spener's «*Pia desideria*» und «*Theologische Bedenken*».

какой придашь ему позднѣйшій піэтизмъ. Шпенеръ и его приверженцы желали личнаго возрожденія для того, чтобы оно обратилось потомъ въ новый принципъ всей дѣятельности человѣка и благотворно отражалось во всѣхъ отправленіяхъ его нравственной жизни. Но позднѣйшіе піэтисты требовали внутренняго возрожденія не для облагороженія жизни человѣка во всѣхъ ея видахъ и формахъ, а для того лишь, чтобы замкнуться потомъ въ кругъ интересовъ одного своего внутренняго міра и, кромѣ этихъ интересовъ, презирать все и всѣхъ.... Для Шпенера все должно было быть благочестіемъ, или вѣрнѣе, вся жизнь человѣка должна быть проникнута и дышать благочестіемъ; для позднѣйшаго піэтизма, на оборотъ, субъективное благочестіе должно замѣнять собою все и игнорировать даже всѣ условія жизни общественной и частной. Такимъ образомъ на сколько широкого понималъ задачу нравственной жизни христіанина піэтизмъ ранній, настолько узко и односторонне понималъ ее піэтизмъ позднѣйшій. Последний поставлялъ своею задачею не то, чтобы нравственная жизнь представляла собою во всей чистотѣ, цѣльности и величіи одинъ; такъ сказать, прекрасный храмъ благочестія, а только-то, чтобы по возможности отрѣшиться отъ всего, что не мирится съ чувствомъ ихъ субъективнаго благочестія. На этомъ основаніи онъ игнорируетъ все объективное въ христіанствѣ. «Весь интересъ его, по выраженію одного западнаго богослова (3), заключается только въ индивидуумѣ als Solchem, а не въ томъ великомъ организмѣ, къ кото-

(3) См. Deutsche Protestantismus S. 262.

рому индивидуумъ относится какъ часть къ цѣлому (¹). Изъ этого-то односторонняго пониманія піэтистами субъективнаго возрожденія и благочестія и вытекаютъ всѣ ихъ дуалистическія воззрѣнія (²) на міръ нравственный и даже на міръ физическій (³).

Узкость нравственныхъ понятій обнаружилась въ піэтизмѣ очень рано. Послѣдователи Шпенера не сумѣли сохранить нравственнаго идеала своего родоначальника во всей его цѣлости и чистотѣ. Тогда какъ Шпенеръ о, такъ называемыхъ, позволительныхъ предметахъ и дѣйствіяхъ, — каковы, напр., посѣщеніе театровъ, участіе въ танцахъ и т. п., — судилъ болѣе по внутреннему расположенію дѣйствующей въ этомъ случаѣ личности (*Secundum personam*), чѣмъ сколько по самому предмету дѣйствія (*Secundum rem*); галльскіе піэтисты, — даже Франке, Лянге и Брейтгауптъ въ своихъ взглядахъ на подобнаго рода дѣйствія являются большими ригористами. Напр. Франке старался доказывать, что извѣстные виды забавъ и увеселеній, каковы: игры, танцы и шутки, такъ сказать, по самой природѣ своей, исходятъ изъ

(¹) Срав. Hüffel, *der Pietismus, geschichtlich und Kirchlich beleuchtet*. 1846. S. 17.

(²) См. Wiggers, *Gesch. d. Mission*. 1, p. 167. Намъ думается, впрочемъ, что начало дуализма въ протестантствѣ, самымъ осозательнымъ образомъ сказавшееся въ позднѣйшемъ піэтизмѣ, восходитъ чуть ли не ко времени самаго Лютера. Корень его едва ли не скрывается именно въ лютеранскомъ ученіи о паденіи человѣка, вслѣдствіе котораго послѣдній, по Лютеру, сталъ совершенно неспособнымъ въ добру, такъ что между нимъ и Богомъ, подобно тому какъ между небомъ и землею, — непроходимая бездна. И то, что здѣсь скрывалось только въ зернѣ естественно не могло не развиться на исторической почвѣ, при благоприятныхъ историческихъ условіяхъ. — *Авторъ*.

(³) См. *Christliche Volksbote*, 1854. p. 207 и 302. Vgl: *Heidenbote*. 1853. p. 1 и 2.

ветхаго (т. е. лично невозрожденнаго) человѣка и поэтому они для христіанина всегда составляютъ грѣхъ (¹). Позднѣйшій піетизмъ пошелъ въ этомъ отношеніи еще дальше. По его дуалистическому взгляду, полагающему непроходимую бездну между естественнымъ и сверхъ-естественнымъ, «все то, что только входитъ въ область природы, грѣшно и нечисто». Отсюда въ позднѣйшемъ піетизмѣ развивалась страшная апатія ко всему свѣтскому или мірскому (weltlichen); отсюда въ немъ замѣтна демонстрація противъ всякой науки вообще, противъ искусства, невинныхъ удовольствій жизни и даже противъ самыхъ необходимыхъ и естественныхъ условій и требованій жизни общественной и частной. Проведеніе самой рѣзкой грани между «Божественнымъ» и «мірскимъ», ограниченіе царства Божія узкою областію специфически религіознаго, безузловное отверженіе всего, что не ведетъ непосредственно къ этой цѣли,—вотъ что составляетъ характерныя особенности позднѣйшаго піетизма. Искусство и поэзія, по мнѣнію позднѣйшаго піетизма, суть тоже, что языческія волхвованія (Zaubereien), утонченія плоти, враги библіи и т. п. (²). Танцы, игры, театры и то, что составляетъ комфортъ жизни,—все это, на взглядъ позднѣйшихъ піетистовъ, есть ничто иное какъ pompa diaboli (дьявольская роскошь) (³). Даже на явленія видимой природы, въ которой для насъ отражаются божественныя совершенства, піетизмъ смотритъ какъ на слѣдствія тяготящаго надъ нею проклятія Божія (⁴).

(¹) Tholuck, Gesch. d. Pietismus. S. 22—24.

(²) См. «Darmstadt. allgem. Kirchenzeit.» 1860. № 91.

(³) См. Märklin, а. а. О.

(⁴) Die Entstehung des Heidenthums. S. 25 и слѣд.

Мало этого; по его понятію, не-только любовь къ твари (1) и любовь къ самому себѣ (2) становятся преступными, но и любовь супружеская, освященная самою церковію, не имѣетъ сама въ себѣ нравственнаго достоинства (3). Вообще, взглядъ позднѣйшихъ піэтистовъ, какъ на бракъ, такъ и на весь міръ, отзывается манихействомъ. Бракъ, говорятъ они, хотя и не запрещается вѣрующимъ, но гораздо лучше, если они будутъ воздерживаться отъ него (4). И даже на такія необходимыя условія общественной жизни, какъ напр. торговля и т. п., позднѣйшій піэтизмъ смотритъ какъ на матеріализмъ (5), и на самую политику какъ на нѣчто чуждое христіанству (6). Послѣ всего этого, Гюффель справедливо замѣчаетъ, что для піэтистовъ не существуетъ ни природы съ ея богатыми сокровищами, ни исторіи съ ея великими дѣятелями и учителями, ни результатовъ человеческой мысли и дѣйствій (7). Для нихъ, по ихъ теоріи, какъ будто не существуетъ ничего земнаго, а существуетъ, по выраженію Маргейнеке, «одно только христіанское небо» (8).

Дуалистическія крайности піэтистической морали сказались весьма печальнымъ образомъ и въ самой

(1) Hossbach, а. а. о. 11, 90.

(2) Theologische Bedenken. III, 2. 30. Vgl: Em. Feierlein, die Sittenlehre. S. 150 и сл.

(3) Hennike, Auszug aus d. theolog. Bedenken. 1838. S. 157.

(4) Märklin, а. а. о. 206. Не надобно забывать, что здѣсь идетъ рѣчь о взглядѣ на безбрачіе въ нѣдрахъ протестантства, далеко отъ возвышеннаго взгляда православной церкви на подвигъ иночества.—

Ред.

(5) Kapf, die Zukunft des Herrn. p. 95.

(6) Märklin, а. а. O. S. 203.

(7) Hüffel, а. а. O. S. 72, 84 и 87.

(8) Marheineke, theol. Moral. S. 592—5.

нравственной жизни позднѣйшихъ пѣтистовъ. Такъ какъ внутреннее возбужденіе и личное возрожденіе, по понятію пѣтистовъ, пріобрѣтаются путемъ глубокаго сокрушенія о грѣхахъ, то многіе изъ нихъ на этомъ пути доходили до такого мрачнаго душевнаго состоянія, до котораго, по мѣткому выраженію Шведера (1), могъ доводить скорѣе строгій проповѣдникъ покаянія Іоаннъ, чѣмъ примиряющій и искупляющій Христосъ Спаситель. Лангансъ въ своемъ сочиненіи «Pietismus und Christenthum» приводитъ нѣсколько очень характерныхъ въ этомъ отношеніи выдержекъ изъ различныхъ официальныхъ донесеній виѣшней пѣтистической миссін, гдѣ между прочимъ говорится, что, благодаря суровой проповѣди (2) пѣтистическихъ миссіонеровъ, даже двѣнадцатилѣтнія дѣти бывають поражаемы полнымъ сознаниемъ своей всецѣлой грѣховности и плачуть о томъ, что они отвергли Господа. Изъ взрослыхъ же многіе бросаютъ нова обыденныя занятія, забываютъ о снѣ и пищѣ. Во время молитвы многіе доходятъ до совершеннаго изнеможенія физическихъ силъ и даже до потери сознанія, доколѣ, по выраженію пѣтистическихъ миссіонеровъ, возрожденіе не сдѣлаетъ ихъ сынами Божиими (3). Причемъ многіе изъ миссіонеровъ, по свидѣтельству Ланганса, доходятъ перѣдко до ужаснаго фанатизма, обнаруживающагося даже въ похищеніи ими языческихъ дѣтей, къ чему такъ часто

(1) Schweder, im Anhang zur Verfassung Hovsbach: «Phil. Iak. Spreng.

(2) Любимою темою проповѣди пѣтистическихъ миссіонеровъ служитъ ученіе «о вѣчномъ осужденіи всехъ и каждаго изъ насъ». Mission Registre 1833 p. 148).

(3) Langhans. a. a. O. S. 260—90.

прибѣгаетъ римско-католическая пропаганда (1). Въ газетѣ «Heidenbote» приводится очень много подобныхъ грустныхъ фактовъ (особенно за 1840 годъ), которые, такъ сказать, роняютъ самое христіанство въ глазахъ язычниковъ (2). Не менѣе интересны, а вмѣстѣ и жалки тѣ педагогическіе приемы, какими пользуются пѣтистическіе миссіонеры для пробужденія внутренней жизни въ обращенныхъ ими въ христіанство язычникахъ. Въ большей части миссіонерскихъ заведеній введена невыносимая монастырская дисциплина, совершенно отрывающая дѣтей отъ внѣшняго міра и современнаго теченія жизни; мрачный и суровый аскетизмъ, вовсе несвойственный юному возрасту, употребляется какъ вѣрное (!) средство для правильнаго развитія въ дѣтяхъ внутренней жизни и для регулированія стремленій сердца (3). Благодаря этимъ мѣрамъ, въ воспитанникахъ убивается всякая самостоятельность мысли и стремленій. Имъ внушается, что наука, художество, пѣніе и музыка, ремесло и даже земледѣліе — все это суть признаки плотскаго человѣка. На оборотъ, характерную особенность благочестиваго человѣка составляютъ: суровая проповѣдь о скоромъ судѣ, томная надежда на лучшую будущность, отшельничество или аскетизмъ и полное самоотверженіе (4).

(1) Langhans, a. a. O. S. 260—90.

(2) „Христіанство, говоритъ Шлейермахеръ, не знаетъ никакого права, которое бы уполномочивало насильно цивилизовать нецивилизованный народъ. Нужно избѣгать всего того, чрезъ что позорится христіанское имя между язычниками; а оно ничѣмъ столько не бесчестится, какъ именно насильемъ (Unterdrücken). См. Schleiermacher's christl. Sitte. p. 289.

(3) См. Appel. aux Amis de missions. p. 27.

(4) См. Ausland, S. 332.

И не одни только піэтистическіе миссіонеры, но и европейскіе піэтисты подобнымъ же образомъ понимаютъ задачу и идеалъ нравственной жизни. И у нихъ—строгое раздѣленіе между «божественнымъ» и «мірскимъ», между «сынами Божиими» и «сынами міра», и у нихъ—узкое ограниченіе жизни одною только областію специфически религіознаго. Все, что только непосредственно не входитъ въ эту область, позднѣйшій піэтизмъ называетъ это, позорнымъ на его языкѣ, именемъ міра, въ которомъ, хотя и нужно жить и дѣйствовать, но всегда такъ, чтобы мірское представляло собою рѣзкую противоположность духовному (¹). Эта противоположность, по выраженію Гагенбаха, то обнаруживается въ томной скорби объ испорченности міра, то переходитъ въ извѣстнаго рода боязливость и смущеніе, то нерѣдко умерщвляетъ чувство для наслажденій искусствомъ, то омрачаетъ свѣтлый взглядъ на жизнь, то отравляетъ чувство самыхъ невинныхъ радостей и удовольствій жизни и, по причинѣ всего этого, низводитъ религію съ высоты ея поэтическаго величія въ самую сухую прозу (²).

Ограничивая область нравственнаго одною только областію специфически религіознаго, піэтизмъ высказываетъ не-только узкое пониманіе имъ нравственнаго идеала, а вмѣстѣ — и неправильное пониманіе всей сущности, силы, духа и задачи самой христіанской религіи. Характеръ послѣдней есть *любовь и миръ*. Во имя этого, она способна мириться. или вѣрнѣе. примирять съ собою и облагораживать все условія общественной жизни. Христіанство вовсе не имѣетъ

(¹) См. Langhans, a. a. O. S. 332.

(²) Habenbach, Vorlesungen u. s. w. Th. IV, S. 229.

въ виду—дѣлать изъ своихъ послѣдователей какихъ-то чудовищныхъ аскетовъ, которые бы презирали міръ со всѣми его благами и со всѣмъ, что только не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ религіозному чувству. Оно хотя и не дало опредѣленной формы для общественной и гражданской жизни, потому что это, по справедливому выраженію одного изъ нашихъ богослововъ, было *ниже его задачи* (1), тѣмъ не менѣе оно никогда не возставало противъ самыхъ этихъ формъ и вообще не отрицало всѣхъ тѣхъ историческихъ и жизненныхъ условий, при которыхъ оно должно быть усвоимо вѣрующими. Христіанство должно не игнорировать и презирать міръ, какъ что-то нечистое и абсолютно скверное, а омы-вать его банею очищенія. Оно не должно чуждаться и бѣгать тѣхъ или другихъ формъ общественной жизни, а должно освящать и облагораживать ту, если такъ можно выразиться, нравственную атмосферу, подъ вліяніемъ которой евангельской истинѣ суждено прививаться и крѣпнуть въ сердцахъ вѣрующихъ. Между тѣмъ позднѣйшій піэтизмъ, отвергшій во имя крайняго субъективизма всякое внѣшнее посредство въ соединеніи со Христомъ, хотѣлъ, такъ сказать, заразъ перешагнуть за естественные предѣлы земной жизни и перенестись въ область сверхъ-естественнаго, и потому презрѣлъ весь міръ. Но этотъ смѣлый скачекъ былъ для него, что называется, *sallus mortalis*. Позднѣйшій піэтизмъ, желая весь отдаться одному небу, какъ бы забылъ, что онъ живетъ на землѣ и что христіанину, для приобрѣтенія

(1) См. „Христ. Чтеніе“ за 1868 г. севр. стр. 361.

христіанскаго неба, или *царствія Божія*, суждено и дѣйствовать—въ духѣ христіанской свободы и любви— во внѣшнемъ мірѣ. Отсюда-то онъ нерѣдко представляетъ въ себѣ во внѣшнемъ отношеніи жалкое по- праніе всякихъ разсужденій и человѣческихъ чувствъ, а также какой-то дикій фанатизмъ, какъ будто силащійся превзойти собою фанатизмъ поклонниковъ Магомета. Внутренняя же жизнь его представляетъ въ себѣ подавленіе всякаго свободнаго развитія, болѣзненное чувство благочестія и нерѣдко мечта- тельство.

Суровый нравственный ригоризмъ позднѣйшаго піетизма идетъ въ совершенный разрѣзъ съ духомъ христіанской нравственности. Піетистическая нрав- ственность по своимъ началамъ совершенно не знаетъ ни той небесной любви, ни той дорогой для христіанина свободы, которая заповѣдуются въ Еван- геліи. Христіанская любовь у позднѣйшихъ піети- стовъ ограничивается одною только, своеобразно по- нимаемою ими, любовію къ Богу и къ своимъ собра- тіямъ-піетистамъ; а евангельская свобода понимается ими въ смыслѣ почти одного только свободнаго из- ліянія своихъ субъективныхъ чувствъ предъ Богомъ. Вслѣдствіе этого у позднѣйшихъ піетистовъ выра- ботался духъ сепаратизма и ригористическаго аске- тизма. Служивая до послѣдней крайности область, такъ называемыхъ, позволительныхъ предметовъ, и утверждая, что напр. гостинные визиты, театральныя представленія, танцы и т. п. *абсолютно* безнрав- ственны или грѣховны сами въ себѣ (*Secundum rem*), позднѣйшій піетизмъ тѣмъ самымъ убиваетъ въ че- ловѣкѣ всякую нравственную свободу, совершенно

незаконно приносить въ область христіанской морали мрачный взглядъ на жизнь и, подобно іудаизму, обращаетъ вниманіе болѣе на внѣшность, чѣмъ на внутреннее настроеніе сердца и духа. Піетизмъ забываетъ, что «во всемъ мірѣ нѣтъ ни одной вещи абсолютно грѣховной». Богъ сотворилъ *вся добра зло*. Зло объективнаго Онъ не создалъ: это не сообразно съ Его безконечными совершенствами. Человѣкъ самъ создалъ себѣ зло, осуществивъ таившуюся въ его природѣ одну только *возможность* ко злу, какъ необходимое условіе его нравственной свободы. Всякая вещь сама въ себѣ нравственно безразлична и можетъ получать тотъ или другой нравственный характеръ только смотря потому, съ какимъ расположеніемъ духа и съ какою цѣлю человѣкъ употребляетъ ее. Во всѣхъ нравственныхъ дѣйствіяхъ человѣка важны—не предметъ дѣйствій, а тѣ внутренніе побужденія, которыми мотивируется и та цѣль, къ которой направлена въ этихъ дѣйствіяхъ нравственная сила человѣка. Съ этой точки зрѣнія въ христіанствѣ, строго говоря, не должно быть и рѣчи о какой бы то ни было, такъ сказать, *юридической* грани между областію позволительныхъ и непозволительныхъ предметовъ. Вопросъ можетъ быть только о цѣлесообразности нравственныхъ дѣйствій, о согласіи или несогласіи ихъ съ духомъ христіанской любви и свободы и вообще съ тѣмъ нравственнымъ идеаломъ, который дарованъ намъ самимъ Спасителемъ и завѣщанъ въ Его Божественномъ Евангеліи. Объемъ области «позволительнаго» различенъ для людей, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ нравственнаго развитія и находящихся въ разныхъ условіяхъ

жизни. Чѣмъ выше человекъ по своему нравственному развитію и чѣмъ больше нравственныя требованія его личнаго духа какъ бы отождествляются съ нравственнымъ закономъ, тѣмъ выше становятся нравственныя права его личности, тѣмъ шире становится кругъ его свободы и самой области «разрешительнаго». Для чистаго — все чисто: *праведнику законъ не лежитъ*, говоритъ апостоль. Законъ христіанскій тѣмъ именно и отличается отъ рабскаго характера закона іудейскаго, что онъ есть законъ духа и свободы: *Богъ удоволи насъ*, говоритъ апостоль, *служители быти нову завету, не писмене, но духу: писма бо убиваетъ, а духъ животворитъ* (2 Коринѣ. III, 6).

Такъ какъ мораль позднѣйшаго піетизма чужда животворнаго евангельскаго духа, то и самая жизнь ихъ имѣетъ главнымъ образомъ *внѣшній* характеръ христіанской нравственности. Такъ позднѣйшій піетизмъ приписываетъ преувеличенное значеніе извѣстныхъ *внѣшнихъ* дѣйствій, которыя будто бы служатъ признакомъ и выраженіемъ піетистическаго благочестиваго чувства, хотя онѣ въ существѣ дѣла у піетистовъ вовсе не таковы. Это — тѣ самыя добрыя дѣла, за злоупотребленіе которыми Спаситель порицалъ фарисеевъ: 1) *посты*, 2) святость почитанія *субботы* или дня воскреснаго, 3) *молитвы* и 4) *милостыня*. Значеніе постовъ у позднѣйшихъ піетистовъ основывается *исключительно* на одномъ общемъ дуалистическомъ и фальшивомъ ихъ воззрѣніи на міръ и плоть, какъ на предметы, удаляющіе человека отъ Бога. Святость субботы у нихъ понимается въ смыслѣ чисто іудейскомъ (Марк. 2, 27.

28. Иоан. 5, 17. Кол. 2, 16), такъ что, по словамъ Капфа (Karpf's), родъ и образъ соблюденія святости субботы въ той или другой странѣ будто опредѣляютъ собою степень религіознаго состоянія этой страны (1). Равно молитвою, по мнѣнію піэтистовъ, нельзя считать ту, которая совершается въ тиши и во всякое время; нѣтъ, молитва піэтистовъ совершается въ школахъ, а также въ чрезвычайныхъ вечернихъ собраніяхъ, будучи сопровождаема козѣнопреклоненіемъ (2). Четвертая піэтистическая добродѣтель болѣе, чѣмъ три первыя, заслуживаетъ уваженія. Піэтисты отличаются вообще особеннымъ состраданіемъ къ своимъ бѣднымъ соотечественникамъ, а также къ больнымъ и дѣтямъ, оставленнымъ безъ всякаго попеченія и призрѣнія. Но и въ это, само по себѣ доброе, дѣло вкралась доля того же дуализма, которымъ характеризуется вся вообще позднѣйшая піэтистическая мораль. Позднѣйшимъ піэтистамъ думается, что ихъ дѣла милосердія суть дѣла *особенныя*, имѣющія преимущество предъ такими же дѣлами, совершаемыми *сынами міра* (т. е. не піэтистами) (3).

Но, что всего болѣе есть отталкивающаго у позднѣйшихъ піэтистовъ, такъ это именно—ихъ разладъ между словомъ и дѣломъ, между, такъ сказать, теоретическимъ ихъ благочестіемъ и самою жизнью ихъ. Горькій опытъ показываетъ, что иногда люди по наружности удаляются отъ міра, а въ своемъ сердцѣ бывають самыми вѣрными его рабами. Подобныхъ

(1) Капфъ - піэтистическій миссіонеръ. Справ. *Beleuchtungen der Missionsache* Beilag. zum *Calmer*. В. I. 1846. р. 67 и. folg. Vgl: *Ev.-luth.-nüss* - В. I. 1848. р. 47 и 237.

(2) Langhans, а. а. О. S. 362, Vgl: Kothle, а. а. о. III, 173.

(3) Langhans а. а. О. S. 364 - 5.

грустных фактов весьма много представляет въ себѣ жизнь позднѣйшихъ піетистовъ и преимущественно—современныхъ намъ піетистическихъ миссіонеровъ. Лѣньность, отвратительное обжорство, возмутительное корыстолюбіе и скупость доходигь у нихъ часто до поражающихъ размѣровъ (¹). Читая свидѣтельства о нравственной жизни подобнаго рода людей, невольно припоминаешь слова Беренгара схоластика (+1088), этого знаменитаго монаха и философа своего времени, который говорилъ: «levastis corpora vestra in montes, sed mentes vestrae in vallibus remanserunt» (²), а равно — и слова Тертуліана: «презирающіе плоть большею частію сами творять ея дѣла» (³). Стоитъ упомянуть здѣсь также о свидѣтельствѣ одной художницы, которая сама принадлежала къ партіи позднѣйшихъ піетистовъ и которая въ слѣдующихъ краскахъ изображаетъ картину ихъ нравственной жизни: «случается видѣть, что сыны міра (т. е. не піетисты) гораздо добросовѣстнѣе, чѣмъ піетистическіе христіане исполняютъ свой долгъ: они честнѣе послѣднихъ въ образѣ своихъ дѣйствій и обходительнѣе въ обращеніи. Піетисты часто дозволяютъ себѣ такую свободу въ отношеніи обычныхъ правилъ честности и деликатности, какой никогда не позволяютъ себѣ другіе. И міръ, думающій, что христіанство и піетизмъ—одно и тоже, удивился бы столь поразительному нравственному усыпленію (позднѣйшихъ) піетистовъ, и вправѣ могъ бы сказать: это—именно піетизмъ, а не христіанство» (⁴).

(¹) Lingham a, a, O. S. 367—423.

(²) См. Abaelard, opp. Paris. 1616. p. 325.

(³) Тертул. къ Скапул. гл. II.

(⁴) См. соч. der Frau von Gasparin: „Quelques defauts des chretiens 'aujourd'hui". p. 134 и слѣд.

Вслѣдствіе этихъ непривлекательныхъ сторонъ позднѣйшаго піэтизма, многіе—особенно люди образованные—отшатнулись отъ него, и теперь даже самое названіе «піэтизмъ» употребляется и понимается въ дурномъ значеніи,—въ смыслѣ ханжества и т. п. Не смотря на то, піэтизмъ продолжаетъ существовать и нынѣ. Онъ привлекаетъ къ себѣ чисто специфическимъ своимъ свойствомъ. Онъ не боится никакихъ жертвъ, пренебрегаетъ всѣми насмѣшками и ругательствомъ надъ нимъ. Его живучесть и, такъ сказать, вкрадчивость въ душу другихъ обуславливаются исключительно его *практицизмомъ*, его жизненнымъ направленіемъ, которое гораздо скорѣе прививается къ душѣ вѣрующаго, чѣмъ всякая простая теорія. И если бы современный намъ піэтизмъ воскресилъ въ себѣ духъ самого Шпенера, то онъ составилъ бы собою величайшую нравственную силу въ протестантизмѣ и, осмѣлимся сказать, благотворно могъ бы вліять на строй религіозно-нравственной жизни всѣхъ вообще христіанъ. Но къ сожалѣнію позднѣйшій піэтизмъ далеко не имѣетъ у себя духа Шпенера и, начиная духомъ, оканчиваетъ плотію... Въ своемъ крайнемъ презрѣніи къ міру, какъ къ чему-то безусловно грѣховному, онъ дошелъ до того, что, по нѣмѣцкой пословицѣ: «das Kind mit dem Bade ausgeschütten hat» (1).

П. Нечаевъ.

(1) То есть: «изъ ванны вытечь съ водою выбросилъ и самое дно», вышесся къ ней».

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки